

Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2017. – 1216 с. – С. 1150-1153.

4. Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара, 2017.
5. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007.
6. Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. М., 1999.
7. Лепский В.Е. Инновационное развитие России: философский анализ // Философия науки и техники 2016. Т. 21. № 1. С. 169–187.
8. Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М., 2015.
9. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара, 2017.
10. Новосёлова Н.А. (общ. ред.) Право интеллектуальной собственности. Общие положения. Т.1. Информационная система КонсультантПлюс.
11. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М., 2010.
12. Энгельмейер П.К. Философия техники. СПб, 2013.
13. Cassirer E. Form und Technik // Cassirer E. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg, 1985.

А.Н. Огнев

ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС МОДЕЛИ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

(Самарский университет)

Перспективы развития информационных технологий ставят перед методологической рефлексией философии новые задачи, зачастую выходящие за пределы горизонта тех тематических данностей, которые образуют её классический понятийный базис. Задачи подобного рода трансформируют и уже имеющиеся теоретические решения, активировав в них новые функциональные опции и вводя в них параметрические ограничения, ориентированные на абстрактное представление об операциональном оптимуме. Философская мысль, опирающаяся на представление о классическом опыте, испытывает потребность в наглядной репрезентации тех возможностей, которые открывают процесс развития информационных технологий, дабы соотнести предлагаемые технологические решения с общечеловеческими лимитами обобщения, фокусированными вокруг концептуального средоточия, подлежащего разного рода оценкам, в том числе, и мировоззренческим. При этом в рассудочном мышлении, по отношению к которому философия выступает в качестве критической инстанции, далеко не всегда разграничивается наглядное представление и объяснение. Как справедливо указывает В.П. Бранский, «наглядное представление и объяснение далеко не одно и то же: первое связано с познанием явления, а второе – с по-

знанием сущности» [1, с. 85]. Понятие модели включает в себе момент структурной транзитивности – перехода от явления к сущности, вследствие чего модельная ситуация как таковая обнаруживает в себе признаки условного единства бытия и мышления, взятые в ключе сигнификативного дуализма, означаемого и означающего. Так модель предстаёт в качестве образования, вызывающего интерес с позиций семиотики.

Абстрактный характер модели проявляется в том, что она группирует востребованные номотетические свойства, фактически репродуцируемые в предметных конфигурациях, оставляя в стороне целый комплекс неспецифических признаков, Сопровождающих актуализацию модели в явлении. Следовательно, к абстрактной стороне модели приложимы общие принципы теории групп. Опираясь на концептуальные решения С. Ли, Л. Кутюра учил, что группа «есть ансамбль объектов, для которых определено сочетание такого рода, что результат сочетания из двух объектов является объектом группы» [5, с. 195]. При этом нет нужды ограничивать критериальную соотнесённость с группой числовыми или количественными показателями, поскольку группировке подлежат также и разного рода преобразования. Трансформируемость модели оказывается следствием её групповой идентификации как ансамбля объектов, для которого задаются параметры операциональной оптимизации, в которых, если следовать Г. Вейлю, «континуум как среда свободного становления» [3, с. 100] выявляет свои сущностные свойства. Ключевым вопросом собственно философской рефлексии становится вопрос о том, о какого рода сущности идёт речь, а также о том, в каком объёме человеком интуитируются относящиеся к ней родовидовые отношения, поскольку последние могут быть мыслимыми без противоречия, но при этом вести себя на предметном уровне в духе «незаметных восприятий» Г.В. Лейбница, сливаясь в медиальную абстракцию перцептивного фона без верифицируемого следового остатка на эмпирическом уровне.

Модель, взятая в её абстрактной продуцируемости, предстаёт в качестве предположения о формализуемости известного многообразия. Вне акта репрезентации она обречена оставаться латентной истиной, которую не только невозможно верифицировать, противопоставив заблуждению, но и отличить от иных, нетематических истин. Это связано с открытием Б. Больцано того обстоятельства, «что многообразии предложений и истин самих в себе – бесконечно» [8, с. 86]. Именно в этом пункте обнаруживается повод для размежевания философской и частнопредметной позиций, поскольку философия исходит из того, что конечное существо не может вместить в себя бесконечность, а потому обречено либо представлять её негативно (что не позволяет строить валидные логические конклюдии), либо осознанно оконечивать предметный потенциал сущностного многообразия, руководствуясь прагматическими соображениями. Это затруднение призвана была разрешить теория множеств, позволяющая мыслить множественность как единство, достаточное по критериям репрезентации. Ф. Хаусдорф учил: «Множество возникает путём объединения предметов (вещей) в одно целое» [10, с. 9]. Этой установке присуща, однако, некоторая узость, поскольку из предметного плана оказываются исключёнными про-

цессы и состояния, а априорных критериев для предметной целостности в качестве специфического гаранта репрезентируемости нет ни среди вещей, ни среди процессов и состояний. Позднейшие представители теории множеств, такие как А.А. Френкель и И. Бар-Хиллел, стремились избежать эссенциалистского осложнения в теории множеств, апеллируя к браузеровскому пониманию математики, согласно которому, она не есть некий готовый аксиоматический пакет правил и пропозиций, «а некоторая весьма существенная часть человеческой деятельности, метод обращения с человеческим опытом» [9, с. 251]. Для философии эта констатация на системном уровне равнозначна признанию за каждой моделью статуса неспецифического антропоморфизма, замещающего в реальном познавательном обращении декларативное в методологическом отношении априорно-номотетическое основание.

В той мере, в какой для математики метафизический подтекст этой проблемы оказывается снятым логически в понятии гомоморфизма, а для философии снятым исторически посредством дезактуализации догматического формата метафизики, понятие модели как фокуса репрезентации приобретает новый смысл. Помещение Ю.А. Гастевым понятия модели в демонстративный контекст теоремы о гомоморфизмах приводит его к выводу о том, что, во-первых, возникает дисбаланс между ограниченностью мощности множества формул и потенциальной неограниченностью шкалы мощностей, а, во-вторых, что в подвешенном состоянии остаётся вопрос о возможностях естественной интерпретации задействованных формализмов. Из допущения изоморфизма бытия и мышления, согласно Ю.А. Гастеву, «следует представление о счётности Системы» [4, с. 70], которую именуют «миром». Этот вывод, однако, нельзя признать в полном смысле слова корректным, поскольку простой полный перечень формализмов не идентичен перечню тех из них, посредством которых достигается функциональная оптимизация, определяющая репрезентативную актуальность модели. Оконечивание мира оказывается мнимостью, которая нуждается в объяснении из реальности, а не из потребностей рассудочного мышления в когерентности семантических кодов, разрешающихся в абстракцию трансцендентальной подтасовки.

В подходе Ю.А. Гастева отчётливо распознаётся потребность в теоретическом разграничении отражения и выражения, различие между которыми на понятийном уровне не очевидно для математического ума. Именно этому запросу отвечает онтогносеологическая концепция М.А. Лифшица, позволяющая распознавать в условном единстве бытия и мышления указание на универсальность реального, заключающего в себе эксплицированную актуальность понятийного опосредствования, недоступную для сущностной идентификации со стороны формализма. Критикуя его абстрактную рассудочность и исходя из гегелевской диалектики, показывающей конечность всякой абстракции, М.А. Лифшиц писал: «Формализм – зло, вздор. Но это зло доказывает роль формы. Не важно только, что мы знаем, какими средствами культуры умеем пользоваться, важно то, как мы их получаем и что мы можем из них сделать» [6, с. 90]. Форма отражает уровень развития абстрактного мышления, но она же и выра-

жает ту меру реальности, в которой это мышление способно достигать своего предметного исполнения, вплоть до замещающей реификации. Абстрактная метафизика догматизирует в модельной ситуации норму репрезентации, вытесняя из собственных демонстративных порядков аргументации тот факт, что выражение обладает большей степенью свободы чем содержание, данное в его непосредственном отражении. Исходя из этого, следует согласиться с тезисом, который М. Вартофский сделал ключевым в своей теории репрезентативных моделей в научном познании: «теория практична в качестве когнитивной формы поиска истины» [2, с. 117]. В перспективе развития информационных технологий онтогносеологическая концепция модели настоятельно требует типизации семиозиса, которая, согласно А.Ю. Нестерову «может быть прояснена с помощью количества минимально необходимых интерпретантов» [7, с. 25]. Модель, взятая в её значимых с точки зрения технологической воспроизводимости типологических связях, обладает научным потенциалом и может стать фактором развития производительных сил социума.

Литература

1. Бранский В.П. Философское значение «проблемы наглядности» в современной физике. – М.: Либроком, 2010. – 192 с.
2. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
3. Вейль Г. О философии математики. – М.: Ком Книга, 2010. – 128 с.
4. Гастев Ю.А. Гомоморфизмы и модели: Логико-алгебраические аспекты моделирования. – М.: Либроком, 2009. - 208 с.
5. Кутюра Л. Философские принципы математики. – М.: ЛКИ, 2010. – 272 с.
6. Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «истинная середина». – М.: Искусство XXI век, 2004. – 512 с.
7. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. – Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. – 155 с.
8. Парадоксы бесконечного. – Минск: Издательство В.П. Ильина, 2000. – 368 с.
9. Френкель А.А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. – М.: Ком Книга, 2006. – 552 с.
10. Хаусдорф Ф. Теория множеств. – М.: ЛКИ, 2007. – 304 с.